

А.М. ХУЖИН, Н.В. АЛЕКСАНДРОВА

**НОВЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ИХ ВИДЫ:
ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

***Ключевые слова:** цифровые права, цифровизация, юридическая квалификация, информационная система, гражданский оборот, цифровые объекты, имущественные права, гражданское законодательство.*

В статье раскрываются особенности правового регулирования цифровых прав, их нормативно-правовое закрепление в гражданском законодательстве, особенности применения в гражданском и имущественном обороте, наличие тесной связи данной категории прав с информационными технологиями и ресурсами. Акцентировано внимание на норме-дефиниции понятия «цифровые права», приведены мнения ученых и исследователей о значимости проблемы цифровых прав и ее юридической квалификации и закрепления на правовом уровне. Рассмотрены отдельные виды цифровых прав, нашедших закрепление в отраслевом законодательстве.

Цель исследования – проанализировать категорию и правовое содержание цифровых прав и их виды, проблемы юридической квалификации в рамках действующего гражданского законодательства.

По результатам проведенного исследования авторы полагают, что цифровые права следует признать новыми объектами гражданских прав. Необходимо расширить правовую новеллу о дефиниции цифровых прав и закрепить её в законе с учетом практического гражданского оборота, что позволило бы вывести цифровые права на более высокий уровень и определить новые виды, критерии и объекты цифровых прав.

Правовые явления современного общества, или феномен «цифровизация», широко проникают в частноправовую сферу и тем самым не только обуславливают, но и актуализируют научно-исследовательские задачи цивилистической науки, поскольку появляются новые институты, которые формируют, как следствие, новые правоотношения и, соответственно, требуют «цифрового» подхода к их правовому регулированию.

По мнению Н.В. Разуваева, «не будет преувеличением полагать, что глобальные тенденции развития правопорядка в цифровую эпоху свидетельствуют о наступлении нового этапа эволюции правопорядка, характеризующегося изменениями на всех уровнях. Прежде всего, речь идет о появлении новых виртуальных объектов правовых отношений, объективно способствующих цифровой трансформации природы субъективных прав, составляющих содержание соответствующих отношений» [8. С. 18].

Сегодня категория «цифровых прав» представляет большой интерес в научном плане и вызывает огромную дискуссию о значимости проблемы цифровых прав и ее юридической квалификации и закрепления на правовом уровне. Существует объективная необходимость рассмотрения различных подходов к толкованию этой важнейшей категории в юриспруденции. Поскольку цифровизация в большинстве затрагивает сферу имущественного оборота, можно

с уверенностью сказать, что рассматриваемая проблематика обладает наибольшей научной значимостью именно для гражданского права.

В свете сказанного напомним, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) дополнен поправками, которые были внесены Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-03 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Теперь к объектам гражданских прав относят и цифровые права, а их регулирование соответствует режиму имущественных прав. В ст. 128 ГК РФ цифровые права были изменены в перечне объектов гражданских прав как разновидность имущественных прав, являющихся частью иного имущества. Таким образом, принятые законодательные изменения разделили объекты гражданских прав на вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, и фактически ввели в оборот термин «цифровые права».

Путем формально-логического анализа положений действующего гражданского законодательства современные ученые выводят определение такой категории, как «цифровые права», избирая, как правило, в качестве «исходной точки» формулировку нормы ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет цифровые права как «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву»².

С правовой точки зрения, приведенная норма-дефиниция имеет бланкетный характер. В комментариях к законодательству указывается позиция относительно того, что «данная дефиниция представлена слишком абстрактно и не имеет никакой конкретики. Поэтому для того, чтобы использовать такое понятие, необходимо на законодательном уровне принять соответствующий федеральный закон, который закрепит перечень тех имущественных прав, которые мы сможем в будущем называть цифровыми. То же самое касается и информационных систем в цифровом пространстве, в которых и «заиграют» эти имущественные права.

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Фед. закон от 18.03.2019 г. № 34-03 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/

² Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022 г. № 20-ФЗ) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

Необходимо определить перечень свойств и признаков такой информационной системы, где будет функционировать данные нам цифровые права» [10. С. 193].

Есть предположение, что для цифрового права требуется наличие особого квалификационного признака, а именно: соответствие его содержания и условий правилам информационной системы, если она отвечает установленным в законе требованиям [12. С. 51]. Вопрос о цифровых правах в законодательстве может рассматриваться с различных точек зрения. В научной литературе при характеристике этого явления многие оперируют такими терминами, как «информация», «информационные системы», «цифровые технологии» и т.д. Современные ученые называют общество информационным, так как информация стала общедоступной и является инструментом влияния на отношения между людьми [2. С. 34].

Психологический аспект цифровизации, на наш взгляд, проявлен и в позиции В.Д. Зорькина. По его словам, «большие данные и искусственный интеллект как открывают для юридического сообщества окно возможностей, так и ставят нас перед угрозой потери самого духа права и его гуманистической сущности, неотделимой от этого феномена, учитывая, что право – это, прежде всего, разновидность именно социальных норм, т.е. это, прежде всего, права человека как члена социума» [6].

Вместе с тем, например, интересно следующее мнение ряда авторов. Новейшие цифровые технологии наполняют функциональное воздействие права новым содержанием, что, во-первых, находит отражение в динамично развивающемся отраслевом законодательстве, а во-вторых, в концентрированном виде проявляется в формировании нормативных правовых актов общего характера, создающих базу цифровизации. Цифровизация преобразует характер деятельности субъектов права и объемы их правоотношений, порождает новые формы принятия управленческих решений и ответственности за их неисполнение, проблематизирует тематику юридической природы технического (электронного) правового акта и его места в системе правовой регуляции, ставит вопрос о возможностях и пределах автоматизации права [11. С. 7].

Можно встретить и иную принципиальную позицию, в соответствии с которой цифровые права имеют обязательственную природу. Законодательно установлено, что цифровые объекты представляют собой действия, совершаемые субъектами в информационном поле, цифровые же права, в свою очередь, являются правами требования на совершение таких действий.

Все это отчетливо закреплено в ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Закон утвердил три группы утилитарных цифровых прав, а именно право требовать передачи вещи, право требовать передачи

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652.

исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности и право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

По мнению Л.Ю. Василевской, цифровые права в таком виде представляют собой «права на обязательственные и иные имущественные права, т.е. "права на права"» [4].

Говоря о цифровых правах, важно определить их схожесть с бездокументарной ценной бумагой по свойству, но во всех случаях имущественное право не привязано к материальному носителю, а его принадлежность и акты распоряжения им фиксируются путем внесения данных в информационную систему. Необходимо обратить внимание и на то, что они являются обязательственными или иными, например, корпоративными правами, которые находят свое правовое закрепление в информационной корпоративной системе для управления обществом организации. В любом случае цифровые права обладают отличительными признаками, которые позволяют соотносить их с обязательственными или имущественными правами.

Некоторые специалисты отмечают, например, что цифровые права – это особая разновидность субъективных прав, выраженных в возможности субъекта иметь доступ к информации, электронным устройствам и коммуникационным сетям и совершать различные действия с ними. В связи с бурным развитием цифровых технологий и информационного общества возникли абсолютно новые, ранее не существовавшие, правоотношения, которые нормативно не урегулированы на данный момент. Эти правоотношения возникли в начале XXI в. и, следовательно, относятся к IV поколению прав человека [1. С. 48].

Тем не менее осуществление и распоряжение цифровыми правами или ограничение распоряжения возможны только в информационной системе с доступом в Интернет и к его технологиям. В данной связи можно заметить, что цифровые права зависимы от цифровых технологий и составляют основу цифрового взаимодействия, существуют исключительно в цифровом пространстве, реализуются с использованием различных цифровых технологий и информационных данных, составляющих широкую информационную базу данных и объектов. Но все же законодательное регулирование информационных технологий, особенно при заключении электронных сделок и договоров, нуждается в детальной проработке.

Не стоит забывать о том, что сегодня многие права могут быть реализованы при помощи законно устоявшихся цифровых технологий и ресурсов. К примеру, право на обращение гражданина в государственный орган может быть выражено в цифровой форме путем подачи обращения через официальный сайт государственного органа или портала государственных услуг. В ответ на свой запрос гражданин получит выписку в виде электронного документа, заверенного электронной цифровой подписью выдавшего учреждения. При этом такая электронная версия выписки юридически равнозначна ее бумажной версии.

Разделяя иную точку зрения юридической квалификации цифровых прав, А.В. Воробьева указывает, что одним из способов привлечения инвестиций в свой бизнес-проект является краудфантинг [5. С. 320]. Здесь, на наш взгляд, важно определить и критерии применения цифрового права – инвестиционную систему, которая наряду с общими и специальными целями правового регулирования соответствует особой цели «бизнеса».

Примечательно, что в отечественной цивилистике все больше расширяются объекты взаимодействия между правом и цифровыми технологиями, и с распространением цифровизации появляются новые объекты правового регулирования в сфере экономики, бизнеса и финансовых ресурсов.

Согласимся, что имущественное право есть цифровое право и, согласно ст. 141.1 ГК РФ, оно может быть таковым, если напрямую определено в законе и осуществляется в рамках отвечающей установленным законом признакам электронной (информационной) системы. «В широком понимании цифровое право можно рассматривать в качестве тождественного праву на объект, зарегистрированный в децентрализованном реестре, т.е. фиксация прав в цифровой форме не порождает новый объект», – утверждает С. Будылин [3].

С практической точки зрения неоднозначным в российской цивилистической доктрине является и вопрос о некоторых признанных объектах цифровых прав.

Закон разделяет их на утилитарные цифровые права и на инвестиционные цифровые права, которые на данный момент закреплены в двух федеральных законах:

1) Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

2) Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с Законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ о цифровых финансовых активах ими признаются «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы»¹.

Утилитарными цифровыми правами с содержательным аспектом в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ названы: право требовать передачи вещей; право требовать передачи исключительных прав, прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

работ, оказания услуг, если перечисленные права изначально возникли в качестве цифровых на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы.

Необходимо резюмировать, что особенность цифровых финансовых активов выражена в том, что они отнесены к инвестиционным цифровым правам, но при этом не признаются платежным инструментом для финансовых расчетов.

В аспекте сказанного потребность в правовом регулировании цифровых прав «утилитарных» либо «цифровых финансовых активов» возрастает так же, как и разрешение нормативных противоречий в существующем законодательстве и правоприменительной практике.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в правовом пространстве Российской Федерации хоть и появляется множество новелл, они не до конца доработаны [7. С. 95].

В этом отношении вполне обоснованно утверждать, что в гражданском праве существует проблема так называемых непризнанных объектов «цифры», которые не нашли закрепления в законе, однако по поводу которых все же возникают правоотношения, в связи с чем появляется проблема юридической квалификации таких объектов, например, это пользовательские данные, доменное имя, виртуальные объекты и т.п.

Как было отмечено ранее, в рассматриваемых в гражданском обороте случаях чаще всего цифровые объекты по своей сути представляют информацию, записанную на электронном носителе в виде файла, логина, пароля, ключа доступа и т.п. При этом указанные объекты оборотоспособны и имеют имущественную (товарную) ценность. Следует отметить, сама по себе информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений¹.

Следует согласиться с тем, что сложность разработки адекватного регулирования отношений по поводу информации в условиях цифровизации, прежде всего, обусловлена ее созданием, хранением, обработкой, передачей в электронной форме [9].

Стоит обратить внимание и на общие критерии, которые позволяют в совокупности определить, является ли цифровое право материальным объектом, соответствует ли оно установленному законодателем положению ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Недостаточность критериев проявляется в том, что существуют неисчислимы возможности по реализации традиционных гражданских прав в цифровой форме.

Таким образом, нисколько не сомневаясь, цифровые права следует признать новыми объектами гражданских прав. Из приведенных выше определений мы приходим к непростому выводу о том, что необходимо расширить правовую новеллу о дефиниции цифровых прав и закрепить её в законе с учетом практического гражданского оборота, что позволило бы вывести цифровые права на более высокий правовой уровень и определить новые виды, критерии и объекты цифровых прав.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Фед. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г. № 441-ФЗ) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798.

Литература

1. Азаров А.Я., Ройтер В., Хюфнер К. Введение в теорию прав человека // Права человека: Международные и российские механизмы защиты. М.: Московская школа прав человека. 2003. 560 с.
2. Бачило И.Л. Информационное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 419 с.
3. Бudyлин С. Цифровые права – это что еще за зверь? [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovye_prava_eto_chno_eschyo_za_zver (дата обращения: 15.03.2022).
4. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5(102). С. 111–119.
5. Воробьева А.В. Правовое регулирование краудфантинга в условиях развития цифровой экономики в России // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5, № 1. С. 318–322.
6. Зорькин В.Д. Право будущего в эпоху цифр: Индивидуальная свобода или сильное государство? // Рос. газета. 2020. № 83(8137).
7. Кулик Т.Ю. Упрощенные процедуры в арбитражном процессе // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 5. С. 95–99.
8. Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 18–38.
9. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 19.03.2022).
10. Сачихин Р.А. Электронные деньги и цифровые права. Очередной путь в неизвестное? // Молодой ученый. 2019. № 14. С. 193–197.
11. Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
12. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 50–55.

ХУЖИН АЛЬФИР МИСХАТОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Нижегородская академия МВД России, Россия, Нижний Новгород (alfirhuzhin@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8026-2822>).

АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nadyaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

Alfir M. KHUZHIN, Nadezhda V. ALEKSANDROVA

**NEW DIGITAL RIGHTS AND THEIR TYPES:
PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION IN CIVIL LAW**

Key words: digital rights, digitalization, legal qualification, information system, civil turnover, digital objects, property rights, civil legislation.

The article reveals the features of the legal regulation of digital rights, their regulatory and legal consolidation in civil legislation, the peculiarities of their application in civil and property turnover, and the existence of a close connection of this category of rights with information technologies and resources. Attention is focused on the norm-definition of the concept of "digital rights". The opinions of scientists and researchers on the importance of the problem of digital rights and its legal qualification and consolidation at the legal level are given. Certain types of digital rights that have found consolidation in industry legislation are considered. The purpose of the study is to analyze the category and legal content of digital rights and their types: problems of legal qualification within the framework of the current civil legislation.

According to the results of the study, the authors believe that digital rights should be recognized as new objects of civil rights. It is necessary to expand the legal novel on the definition of digital rights and consolidate it in law, taking into account the practical civil turnover, which will make it possible to bring digital rights to a higher legal level and defining new types, criteria and objects of digital rights.

References

1. Azarov A. Ya. Roiter V., Khyufner K. *Vvedenie v teoriyu prav cheloveka* [Introduction to the theory of human rights]. *Prava cheloveka: Mezhdunarodnye i rossiiskie mekhanizmy zashchity* [Human rights: International and Russian protection mechanisms]. Moscow, 2003, 560 p.
2. Bachilo I.L. *Informatsionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Information law: textbook for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, 419 p.
3. Budylin S. *Tsifrovye prava — eto chto eshche za zver'?* [Digital rights — what kind of beast is this?]. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovye_prava_eto_chto_eschyo_za_zver (Accessed 15 March 2022).
4. Vasilevskaya L.Yu. *Token kak novyi ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoi kvalifikatsii tsifrovogo prava* [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 5(102), pp. 111–119.
5. Vorob'eva A.V. *Pravovoe regulirovanie kraudfatinga v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii* [Legal regulation of crowdfunding in the context of the development of the digital economy in Russia]. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 318–322.
6. Zor'kin V.D. *Pravo budushchego v epokhu tsifr: Individual'naya svoboda ili sil'noe gosudarstvo?* [The Law of the Future in the era of numbers: Individual freedom or a strong state?]. *Rossiiskaya gazeta*, 2020, no. 83(8137).
7. Kulik T.Yu. *Uproshchennye protsedury v arbitrazhnom protsesse* [Simplified procedures in the arbitration process]. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu*, 2015, no. 5, pp. 95–99.
8. Razuvaev N.V. *Tsifrovaya transformatsiya sub"ektivnykh grazhdanskikh prav: problemy i perspektivy* [Digital transformation of subjective civil rights: problems and prospects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, 2021, no. 1, pp. 18–38.
9. Rozhkova M. A. *Informatsiya kak ob'ekt grazhdanskikh prav, ili Chto nado menyat' v grazhdanskom prave* [Information as an object of civil rights, or what needs to be changed in civil law]. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informatsiya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (Accessed 19 March 2022).
10. Sachikhin R.A. *Elektronnye den'gi i tsifrovye prava. Ocherednoi put' v neizvestnoe?* [Electronic money and digital rights. Another way into the unknown?]. *Molodoi uchenyi*, 2019, no. 4, pp. 193–197.
11. Tikhomirova Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Bal'khaeva S.B. *Pravo i tsifrovaya informatsiya* [Law and digital information]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2021, no. 2, pp. 4–23.
12. Shishmareva T.P. *Tsifrovye tekhnologii v proizvodstve po delu o nesostoyatel'nosti (bankrotstve)* [Digital technologies in insolvency (bankruptcy) proceedings]. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2019, no. 3, pp. 50–55.

ALFIR M. KHUZHIN – Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Nizhny Novgorod (alfirhuzhin@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8026-2822>).

NADEZHDA V. ALEKSANDROVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Civil and Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nadezhaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

Формат цитирования: Хужин А.М., Александрова Н.В. Новые цифровые права и их виды: проблемы юридической квалификации в гражданском законодательстве [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 2. – С. 98–105. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/2/12>. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-2-98-105.